

ГЛАВА 3.

СТАНДАРТНЫЕ НАДПИСИ НА УЗКОГОРЛЫХ СВЕТЛОГЛИНЯНЫХ АМФОРАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IV в. н.э.

После нового расцвета Танаиса, начавшегося в конце I в. н.э. и достигшего апогея к первой половине III в. н.э., происходит катастрофа. В начале 50-х гг. III в. н.э. город подвергается полному уничтожению пришедшими в Приазовье готскими племенами. Это событие практически полностью положило конец развитию Танаиса как значительного экономического и культурного центра Северо-Восточного Причерноморья. После чего жизнь здесь, по мнению исследователей, либо совсем отсутствовала, либо едва теплилась в течение почти более чем ста лет [Шелов, 1972, с. 6]. К этому же времени прекращают существование и многие поселения ближайшей округи города.

В середине III в. н.э. Боспор также не имел уже сил отражать натиск варварских племен. Римские гарнизоны были выведены из Херсонеса. В 50-70-х годах III в. н.э. отряды боранов, остготов, герулов, пользуясь боспорскими гаванями как базами, на судах боспорского флота совершали грабительские пиратские набеги на многие греческие прибрежные города. За два десятилетия набегов варвары разграбили и разорили города Причерноморья, Пропонтиды и Эгейского моря, в их числе – Синопа, Гераклея и многие другие крупные поселения.

Варвары производят значительные опустошения и на Боспоре. В 60-70-х годах III в. н.э. прекратили существование многие небольшие поселки и малые города европейской части Боспора, в крупных городах происходят разрушения и наблюдаются явные признаки упадка. Лишь в последней четверти III в. н.э. и в начале IV в. здесь происходит некоторая стабилизация экономического и политического положения. Боспор по-прежнему поддерживает связи с Римской империей, а боспорские цари признают протекторат римских императоров [Шелов, 1984, с. 20].

Танаис был восстановлен, как считал Д. Б. Шелов, в последней четверти IV в. н.э. Но этот город уже не был столь значительным в экономическом отношении центром [Шелов, 1972, с. 307 и сл.]. В нём фиксируется приток нового населения, пришедшего с запада [Арсеньева, 1965, с. 180]. Постройки позднеантичного периода несколько заглублены в землю, сложены небрежно на завалах сооружений II-III вв. н.э. Традиция сооружения подвалов под жилыми и хозяйственными зданиями почти прекращается.

Надписи на амфорах позднеантичного периода Танаиса и Нижнего Дона не

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

столь многочисленны, в сравнении с количеством *dipinti*, происходящих из танаисских подвалов середины III в. н.э. Сейчас достаточно трудно оценить объемы нижнедонской амфорной торговли в позднеантичный период и, особенно, во второй половине III в. н.э. – первой половине IV в. н.э. Большая часть амфор дошла до нас в виде фрагментов, найденных в слоях, а не в закрытых комплексах. Надписи на них сильно затерты и заизвесткованы.

К настоящему времени определено 23 типа позднеантичных амфор, поступавших в Танаис со второй половины IV – до середины V вв. н.э.¹ К сожалению, в связи с достаточно широкой датировкой существования многих из этих типов крайне сложно сопоставить их с выделяемыми в настоящее время стратиграфическими горизонтами позднеантичного периода. Соответственно, это сказывается и на датировке надписей. Кроме того, сравнительно малое количество поздних дипинти сужает возможность сопоставления, а, следовательно, и прочтения самих пометок, т.к. именно сопоставления позволяют восполнять утраченные части стандартных надписей. В этой связи кажется вполне возможным привлечь в данной главе все известные мне пометки краской на позднеантичных узкогорлых светлоглиняных амфорах Причерноморья. Это позволит выделить среди них стандартные формы, характерные для IV в. н.э.

Всего 3 типа амфор, найденных на территории Танаиса и Нижнего Дона позднеантичного периода, несут на себе порой едва различимые пометки краской – узкогорлые светлоглиняные амфоры типов F и E по классификации Д.Б. Шелова (Зеест 105 и 104, соответственно) [Шелов, 1978, с. 19], а также сосуды, из-за ребристости тулова именуемые в литературе «амфоры с рифлением типа набегающей волны» [Якобсон, 1979, с. 13 и сл.] или Jatrus II,1 [Bottger, 1982, с. 45-47, табл. 22].

Пока сложно судить о надписях на других типах амфор. В соответствии со статистическими данными С.А. Науменко, 68,3% от общего числа хронологически определяемых фрагментов амфор из Танаиса принадлежит амфорам типа E и Jatrus II,1. При подсчете целых форм и верхних частей такая цифра увеличивается до 76,8 %². Сюда можно добавить еще один тип, занимающий третье место по статистическим данным, – Зеест 100 (14,3% от общего числа фрагментов)³. Для нас такая статистика представляется чрезвычайно важной в связи с тем, что надписи наносились в большинстве своем на горло и верхнюю часть плечиков амфор. Поэтому наличие целых форм, либо верхних частей амфор позволяет нам сопоставить надпись с типом амфоры, а, соответственно, уточнить её датировку и происхождение. При статистической обработке важно учесть профильные части,

¹ Подсчет типов производился С.А. Науменко

² Всего в Танаисе найдено 13 целых позднеантичных амфор и 194 верхних частей от таких же сосудов. Из них: 7 целых экземпляров – амфоры типа E, 2 - принадлежат типу Jatrus II,1; 108 верхних частей амфор типа E, а 42 – типа Jatrus II,1. (Подсчеты сделаны С.А. Науменко).

³ До настоящего времени надписей на фрагментах и на 2-х целых экземплярах амфор этого типа в Танаисе не обнаружено.

Глава 3

позволяющие соотнести фрагменты с типами. Но это вовсе не значит, что сохранившиеся фрагменты относятся именно к тем частям амфор, на которых могли быть *dipinti*. Это значительно сокращает потенциальные поиски и сопоставление новых пометок краской.

Находки на Нижнем Дону (за исключением Танаиса) позднеантичных амфор иных типов, кроме F и E, пока крайне редки⁴. Такая избирательность связана, во-первых, с тем, что многие нижнедонские поселения ко второй половине IV в. н.э. уже прекратили свое существование (не восстановились после разрушений середины III в. н.э.). На тех же из них, на которых продолжается жизнь в IV-V вв., таких как Сухо-Чалтырское городище, Кизитириновское городище, Кобяковское городище, Рогожкино X, Рогожкино XIII, Дугино, отмечено присутствие лишь сосудов указанных двух типов⁵. Чем это объяснить? Вероятно, тем, что узкогорлые светлоглиняные амфоры предназначались для транспортировки вина, традиционно поступавшего в Танаис в первых веках нашей эры, и, вероятно, не слишком дорогого (см. 1 раздел главы II). Иные амфоры содержали в себе либо сравнительно редкие вина, привезенные из отдаленных областей, либо продукт, не находивший массового потребителя за пределами города (например, оливковое масло). Амфоры типа Ятрус II.1, как считается, могли производиться в Сирии, на Кипре или Родосе [Riley, 1981, p. 120; Arthur, Oren, 1998, p. 203, рис. 6, 5], амфоры типа Зеест 95 (т.н., самосские амфоры или Robinson L 50) происходили, предположительно, из долины реки Меандр в Малой Азии [Riley, 1976, 117; Riley, 1981, 118], амфоры типа Зеест 100 могли приходить с оливковым маслом из Синопы, область которой традиционно специализировалась на его производстве (как в 1-е вв. до н.э.) [Garlan, Kassab-Tezgör, 1996, p. 327, 331, рис. 9; 10; Максимова, 1956, с. 334 и сл.]. Соответственно, цена их содержимого (даже если это вино) была иная, чем у привычных центров, и, следовательно, круг потребителей – меньше. Такая продукция, очевидно, как и прежде, могла предназначаться жителям города, но не пользоваться спросом у кочевников и у населения небольших поселений в округе Танаиса и дельте Дона.

3.1. Надписи группы «a/π»

Одну из самых многочисленных категорий *dipinti* позднеантичного периода, не только на территории Танаиса и Нижнего Дона, но и во всем Северном Причерноморье, составляют надписи на узкогорлых светлоглиняных амфорах типов F или E по классификации Д.Б. Шелова [Шелов, 1978 а. с.19, рис.9; 10].

⁴ В фондах Азовского музея краеведения среди сборов 1983 г. на пункте Рогожкино XII, расположенном в районе родильного дома х. Рогожкино, хранится фрагмент горла позднеантичной амфоры типа Зеест 100 [Зеест, 1960, 120, табл. XXXIX, 100].

⁵ Интересно отметить, что на этих поселениях зачастую только наличие амфор IV-V вв. указывает на дату их существования.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

Рассматриваемые здесь пометки, как и пометки, анализировавшиеся в предыдущей главе, стандартны, то есть имеют фиксированный порядок сходной информации. Вместе с их количеством это позволяет, в некоторых случаях, восстанавливать утраченные части.

Надписи нанесены, как правило, в три-четыре строки на горло и плечики одной из сторон амфоры. В отдельных случаях количество строк увеличивается до пяти. По содержанию их можно условно разделить на два блока информации. Иногда с противоположной стороны от основной пометки появляются однострочные буквосочетания, нанесенные другим почерком (т. н. третий блок информации).

Верхние две строки (первый блок) всегда составляют две буквы – α и π , где α всегда расположена над π (рис. 39-50).

В третьей, четвертой, а, в случае присутствия, пятой, строках (второй блок информации) содержатся полные и сокращенные имена (1 – 3 имени).

В надписях первого и второго блоков стиль и почерк нанесения, как правило, одни и те же. Это дает возможность говорить о единовременном написании всего текста пометки на амфору. Постоянное повторение одной и той же формы маркировки сближает их с уже упомянутыми надписями группы “ $\gamma\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\eta\rho\acute{\alpha}$ ” на светлоглиняных амфорах из танаисских комплексов середины III в. н.э. (см. 1 параграф главы II). По единой для всех *dipinti* этой категории начальной аббревиации кажется возможным объединить их в одну группу – надписи группы « α/π ».

Прежде чем перейти к рассмотрению непосредственно самих маркировок необходимо определить время их существования.

Одно из первых упоминаний амфоры типа F с надписью группы α/π мы находим у М. Эберта в публикации погребения M-1 некрополя поселения «Городок Николаевка» (Казацкое) (рис. 38). В тексте этой работы приводится мнение профессора Шубарта по поводу возможной датировки надписи на основе палеографического анализа. Он высказался так: «Почерк данной надписи представляет определенные трудности для надежной датировки, так как подобное небрежное написание вообще содержит мало временных признаков. Однако, с учетом этой оговорки, я полагаю, что мы имеем дело со шрифтом, который бытовал в I в. до н.э. – I в. н.э.» [Ebert, 1913, abb. 102]. Ю.Г. Виноградов в устной консультации подтвердил невозможность в данном случае датировать надписи по палеографическим особенностям.

На этом основании единственно возможным способом определения даты таких *dipinti* представляется выявление времени бытования амфор типов F или E, на которые они нанесены.

Чаще всего надписи группы « α/π » встречаются на амфорах типа F по классификации Д.Б. Шелова [Шелов, 1978, с. 19, рис.10). Это небольшие узкогорлые светлоглиняные амфоры с расширяющимся книзу горлом и нешироким

Глава 3

коническим реберчатым туловом, заканчивающимся невысокой ножкой (рис. 33, 1-6). Амфоры этого типа были широко распространены в античных городах Северного и Западного Причерноморья, на памятниках черняховской культуры Украины, Молдавии и культуры Синтана де Муреш в Румынии [Щукин, 1968, с. 41-51; Scorpan, 1977, р. 269-270]. Они являются самыми массовыми находками среди провинциально-римских изделий на памятниках в северной области Восточных Карпат. По две таких амфоры обнаружены в курганах могильников Глубокой, Ганеве, Бранештах-Немцишор [Смішко, 1960, с. 102-103; Mihailescu-Bîrliba, 1980, р. 194-196]. Еще две найдены в курганах могильников в Пылыпях и Товмачихе [Вакуленко, 1999, с. 303].

Единого мнения по поводу датировки амфор типа F пока нет. Д.Б. Шелов считал, что эти сосуды являлись морфологическим продолжением амфор типа D и производились в пределах второй половины III – IV вв. н.э. [Шелов, 1978, с.19, рис.10]. А.В. Сазанов, отдельно исследовавший поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор, относит их ко второй половине III – первой половине V вв. н.э. [Сазанов, 1993, с.19]. Его датировка основана, в большей части, на анализе изменения отдельных частей сосудов (венчиков, ручек, ножек). И.Б. Зеест датирует их IV в. н. э. [Зеест, 1961, с.122, табл.XLI, 105 а-г]. С этим же временем соотносит их и А.И. Айбабин. Он отмечает, что в Крыму такие амфоры имеются только в закрытых комплексах IV в. н. э. [Айбабин, 1995, с. 95].

Специальную статью амфорам типа F посвятил В.В. Кропотов. Вслед за А.В. Сазановым, он попытался выделить в них сменяющие друг друга варианты [Кропотов, 1998, с. 128-134]⁶. Таких вариантов получилось три (рис. 52). Согласно его классификации, амфоры F варианта 1 датируются первой половиной – серединой IV в. [Кропотов, 1998, с. 129;131, рис.1,3; 2,3-6]. Они больше по объему, в сравнении с последующими вариантами, и, на мой взгляд, морфологически более близки не стандартным амфорам типа D, а их, так называемым, «столовым» вариантам, происходящим из закрытых комплексов Танаиса середины III в. н.э. [Шелов, 1978, с. 19, рис. 8; Науменко, Арсеньева, 1992, с. 154-155, рис 34,1; 34,4].

Амфоры F варианта 2 имеют неширокое коническое реберчатое тулово, заканчивающееся невысокой ножкой [Кропотов, 1998, с. 129;131, рис. 1,4; 2,1,2]. Это небольшие амфоры ёмкостью 1,7-2 л. Этот вариант В.В. Кропотов, на основании материалов крымских могильников, отнес ко второй половине IV в.

Сосуды варианта 3 имеют прямую широкую ножку, отделенную от тулова широкой врезной линией. Форма тулова близка к амфорам варианта 1. По находкам в Херсонесе, Тире и в могилах некрополя Харакса автор статьи датиру-

⁶ Данная классификация, на мой взгляд, более приемлема, так как основана на морфологии целых форм сосудов, что выгодно отличает её от «типологии венчиков, ручек, ножек», которую предлагает А.В. Сазанов [Сазанов, 1993, с.17].

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

ет этот вариант концом IV – началом V вв. [Кропотов, 1998, с. 129;131, рис.3]. Однако аргументация для выделения подобных амфор в вариант 3 кажется мне не очень убедительной. Вероятнее всего, что они также принадлежат варианту 1. (рис. 33, 1-6).

Проблема определения нижней и верхней хронологических границ существования типа F, а также достоверного анализа морфологических элементов этих амфор и, соответственно, выделения их узко датированных вариантов по-прежнему остается актуальной из-за отсутствия надежной сводки целых форм, представленных в контексте с другим инвентарем [Юрочкин, Зубарев, 2001, с. 457]. По мнению В.Ю. Юрочкина и В.Г. Зубарева, смена амфорных типов D и F произошла в пределах первой половины IV в. н.э., но уже «в период гуннского вторжения (последней четверти IV в. н.э.) такие амфоры неизвестны». В качестве основного аргумента используется факт отсутствия амфор типа F в позднеантичных слоях Танаиса [Юрочкин, Зубарев, 2001, с. 458-459]. Возможно, какую-то роль для уточнения датировок могут играть *dipinti* на этих сосудах.

Пометки краской в той или иной форме присутствуют, как правило, на всех вариантах амфор типа F. Однако они не равнозначны. В соответствии с этими пометками я сделал условную раскладку сосудов на варианты: F-1, F-2, F-3 (рис. 33, 1-6). Она несколько отличается от тех, что давались А.В. Сазановым и В.В. Кропотовым⁷.

Надписи на сосудах вариантов F-1 и F-2 (рис.33, 1-3) ближе по своему облику пометкам на амфорах типа D (рис. 34). Как правило, это надпись в 1-2 строки, одна из которых содержит сокращенное имя, а вторая – 1-2 буквы, возможно, обозначающих цифру. Чаще всего они встречаются на амфорах F-2. Время распространения амфор вариантов F-1 и F-2 чаще всего определяют как первую половину IV в. н.э. [Кропотов, 1998, с. 131; Айбабин, 1990, рис. 2]. Всего в нашей коллекции 17 надписей на амфорах вариантов F-1 и F-2 (в основном, на F-2, по приводимой раскладке).

Надписи группы «a/π» характерны только для амфор варианта F-3 (рис. 33, 4-6) (амфоры типа F варианта 2 по Кропотову). Именно такие сосуды описывал Д.Б. Шелов, составляя классификацию узкогорлых светлоглиняных амфор [Шелов, 1978, с. 19, рис. 10]. Все амфоры этого варианта имеют сходную морфологию (неширокое коническое реберчатое тулово, заканчивающееся невысокой ножкой), но несколько различаются в размерах (высота их от 44 до 56 см) и объемах (1,7-2 л)⁸. Большая часть известных мне амфор F-3 с надписями найдена в дельте Дона, на поселении Рогожкино XIII и в Крыму [Гудименко, Ильяшенко, 2000, с. 12]⁹.

⁷ Данное расположение лишь соответствует группам пометок на них.

⁸ Эти показатели будут важны для нас, когда речь пойдет о содержании пометок на амфорах.

⁹ Здесь имеется в виду лишь область Нижнего Дона.

Глава 3

Последний анализ амфорного материала показывает, что сосуды варианта F-3 присутствуют, пока в незначительном количестве, и среди находок второй половины IV в. н.э. в Танаисе. К сожалению, коллекция пока состоит из нижних частей тулова с ножкой и фрагментов венчиков, на которых, естественно, никаких надписей быть не могло. Примечательно, что они происходят из того же слоя, что и амфоры типа E. Примером подобной находки может служить слой над полом внутри дома 3 (раскоп XXVIII), открытого в 2004 г. на территории Нижнего города Танаиса. На дату указывает и находка профильной части краснолаковой тарелки понтийского производства второй половины IV – начала V вв. н.э. [Arsen'eva, Domžalski, 2002. PRS, Form 3, p. 426-427, fig. 8]. Все открытые к настоящему времени позднеантичные постройки в этой части города существовали в пределах второй половины IV – начала V вв. н.э. [Ильяшенко, 2005, рис. 100.2; 101.1]. Таким образом, вряд ли можно говорить, что Танаис является исключением из общего числа северопричерноморских поселений, где взаимовстречаемость типов F и E не является чем-то уникальным [Зубарев, 2000, с. 66; Кузищин, Иванчик, 1998, с. 205-233; Молев, 2000, с. 85-95].

Для уточнения датировки амфор варианта F-3 с надписями группы «a/π» важным является и упомянутое выше погребение M-1 некрополя поселения «Городок Николаевка» (Казацкое). В нем, вместе с такой амфорой, находился лишь один погребенный, и весь инвентарь, соответственно, был положен единовременно [Ebert, 1913, p. 89 ff]. Эта находка, с точки зрения возможности определения даты, выгодно отличается от находок в крымских склепах, в которых обнаружена значительная часть интересующих нас амфор с надписями. В них, как правило, имеется несколько скелетов вместе с большим количеством инвентаря. Часто отдельные предметы, найденные в склепах, с трудом можно соотнести с конкретным погребенным.

Особую важность для датировки погребения M-1 представляет бронзовая фибула, найденная среди инвентаря [Ebert, 1913, p. 89,92, abb. 99; p. 93 abb.105c) (рис. 38). По определению И.О. Гавритухина, эта фибула относится к варианту 3 серии I двучленных прогнутых подвязных фибул с узкой ножкой и вертикальной пластинкой для удержания оси пружины (т.е. к группе 16-2 по типологии А.К. Амброза [Амброз, 1966, с. 65]. А.К. Амброз определил хронологические рамки таких вещей в пределах IV – начала V вв., осторожно предлагая и более узкие границы их бытования – около середины и второй половины IV в. [Амброз, 1966, с. 61, 64-66, табл.16]. Новые разработки и материалы, в целом, подтвердили это наблюдение. Уточнения на собственно черняховском материале сводятся к более подробному рассмотрению прогнутых подвязных фибул, начало чему было положено Е.Л. Гороховским. По его классификации, фибула из Николаевки принадлежит варианту БЗд «черняховских» подвязных фибул, который показателен для фазы 4 его же хронологической системы. В абсолютных цифрах это определяется как «вторая половина IV в.», хотя такие вещи бытуют

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

и позднее, до финала черняховской культуры, т.е. «420/430 гг.» [Гороховский, 1988, с. 35, 44, 45].

О.В. Шаров отмечает, что в Крыму фибулы варианта 3, по А.К. Амброзу, часто сочетаются с монетами начала IV в. При этом он пользуется модифицированной классификацией Е.Л. Гороховского, а «массовое появление» фибул, близких николаевской, относит к периоду, синхронизируемому с фазой С3, по Я. Тейралу [Шаров, 1992, с. 181-182, 198; Tejral, 1992; 1997].

По мнению И.О. Гавритухина, упомянутые разработки на черняховском материале едва ли существенно корректируют в данном вопросе оценки А.К. Амброза и Я. Тейрала. Граница фаз 3 и 4, по Е.Л. Гороховскому, лишь фиксирует тенденцию, обе же они синхронизируются с фазой С3, подразделение которой зачастую весьма проблематично. Еще менее надежно ограничение нижней границы фазы 4 временем около 350 г., эта дата полностью условна. С другой стороны, ссылка О.В. Шарова на монеты мало что проясняет в данном случае, так как очевидно, что синхронных монет в восточноевропейских материалах явно недостаточно для тонких хронологических уточнений. Оговорки же о единичных вещах в комплексах фазы С2, которые могут рассматриваться как исток серий, показательных для фазы С3, не много дают для реальной черняховской хронологии.

Как считает И.О. Гавритухин, изделия, близкие николаевской застёжке, принадлежат уже довольно развитым вариациям двучленных прогнутых подвязных фибул. Они явно позднее тех стилей, которые определяют фазу С2, что и заставляет исключить из искомым хронологических границ начало IV в. Около второй половины IV в. такие вещи предстают уже массовой, вполне сформировавшейся модификацией. Судя по всему, оформление интересующих нас вариаций фибул приходится на вторую четверть IV в. (ср. об этой эпохе Gavritukhin, 2003, с. 115-116). Верхняя граница массового бытования фибул черняховского круга 3-го варианта (по Амброзу) совпадает с финалом черняховской культуры. Спорные вопросы истории прогнутых подвязных фибул упираются и в неясность развития этой традиции на Балканах (см. ряд наблюдений, по Гавритухину, 2003).

Возвращаясь к находке из Николаевки, следует отметить, что никаких признаков, указывающих на принадлежность этого образца поздним вариациям прогнутых подвязных фибул нет. Судя по всему, его датировка укладывается в рамки от второй четверти IV до начала V вв. (имея в виду и «шлейф» использования после прекращения массового производства и появления новых форм). Расширение этой даты на уровне нынешних знаний не имеет оснований. Эту датировку можно перенести на весь комплекс в целом и на амфору варианта F-3 с надписью.

В слоях многих других поселений Северного Причерноморья амфоры варианта F-3 с пометками группы «*a/p*» встречаются вместе с амфорами типа E

Глава 3

с такой же маркировкой [Кузищин, Иванчик, 1998, с. 205-233, Емец, Зубарев, 2000, с. 27-37; Молев, 2000, с. 85-95]. Характер пометок, информация в них, некоторые имена и даже почерки часто имеют сходство. Это позволяет предполагать возможное сосуществование на каком-то временном отрезке амфор F-3 и E.

Однако и хронологические рамки производства амфор типа E, по мнению исследователей, достаточно широки. И. Б. Зеест датировала эти амфоры концом III-IV вв. н.э. [Зеест, 1961, с. 122, табл. XLI, 104 а-в]. Д.В. Деопик относит их ко второй половине IV – началу V вв. н. э., а Д. Б. Шелов – к концу IV – V вв. н.э. [Деопик, 1972, рис. 1, 2, 4е, 6е, 7е; Шелов, 1978а, с. 19, рис. 9]. По мнению А.П. Абрамова, они производились, начиная со второй половины III в. до начала VI в. н.э. [Абрамов, 1993, с. 50, табл. 62, 7.6 – 7.7]. А. В. Сазанов разделил их на два хронологических варианта. Время бытования первого варианта, по комплексам Танаиса, он относит к концу IV – середине V вв. н.э., второго, по находкам в Фанагории и Батарейке 2, – к началу V – второй четверти VI вв. н.э. [Сазанов, 1989, с. 43, 44; Сазанов, 1993, с. 19-20, рис. 5-8]. Амфоры имеют ёмкость около 11 – 30 л¹⁰(рис. 33, 7,8).

Данный тип амфор достаточно широко известен – от Гераклеи Понтийской [Arsen'eva, Kassab Tezgör, Naumenko, 1997, p.189, fig. 17-20] и Нижнего Подунавья [Nicolae, 1995, с. 150 pl. 8, 6] до Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Причерноморья [Зеест, 1961, с. 122; Сазанов, 1993, с. 19]. В Танаисе подобные амфоры присутствуют во всех слоях позднеантичного периода. Начальный этап их появления здесь выделить достаточно трудно. Многие из датировок базируются на замечании Д.Б. Шелова о том, что «наличие их в позднейших слоях Танаиса позволяет уверенно относить бытование амфор к концу IV и началу V вв. н. э.» [Шелов, 1978а, с. 19]. Именно с этим положением связана и начальная дата типа, данная А. В. Сазановым [Сазанов, 1989, с. 43-44, признак 4, рис.1, 4].

Датировка Д. Б. Шелова была обоснована тем, что, по его мнению, жизнь в Танаисе после разгрома в середине III в. н. э. возобновилась лишь в последней четверти IV в. н.э., а точнее – не ранее 70-80-х гг. [Шелов, 1972, с. 326-327]. В свою очередь, этот вывод был сделан на основании отсутствия нумизматического материала второй половины III – первой половины IV вв. н.э. и отсутствия следов гуннского погрома, «которому должен был бы подвергнуться Танаис, лежавший на основной дороге гуннского передвижения...» [Шелов, 1972, с. 327].

Однако находки монет последних лет позволили С.И. Безуглову «обратиться к проблеме корректировки взглядов на хронологию позднего Танаиса» [Безуглов, 2001, с. 140-150]. На основании 45 монет, «связанных с поздним периодом существования города» [Безуглов, 2001, с. 143, Безуглов, 2000, с. 30-32], он выделил лишь две пока не заполненные хронологические лакуны: 1. 250 г. н.э.

¹⁰ Замеры ёмкости амфор производились С.А. Науменко.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

– 282 г. н. э.; 2. 330 г. н. э. – 354 г. н. э. [Безуглов, 2001, с. 147]. Таким образом, становится очевидным, что разрыв между разгромом Танаиса середины III в. н.э. и возобновлением жизни в городе мог быть гораздо меньше, чем это отмечалось ранее¹¹. К сожалению, среди обнаруженных до сих пор танаисских построек позднеантичного времени нет ни одного закрытого комплекса, который бы дал возможность более или менее уверенно говорить о дате такого возобновления [Шелов, 1972, с. 326; Арсеньева, Науменко, 2001, с. 69]. Исключение в этом смысле составляют лишь хозяйственные ямы, связанные с периодом существования жилых построек, но и они, как правило, не содержат необходимого для точной датировки набора материалов.

На городище амфоры типа Е встречаются уже в слоях, лежащих поверх каменных завалов середины III в. н.э. вместе с остатками амфор типа Зеест 100 (тип “Делакеу”), которые Б.Бёттгер по материалам крепости Ятрус (тип Ятрус I.6) отнес к периоду А и датировал, начиная с первой половины IV в. н.э. и до 60-х гг. IV в. [Böttger, 1982, tafel 21, 14,15; Арсеньева, Науменко, 2001, с. 72, рис. 45,2; с. 73, рис.46, 2,4] и амфорами типа Ятрус II.1 (фаза 2) конца IV – начала V вв. н. э. [Böttger, 1982, с.45, tafel 22; Бёттгер, Ульрих, 2000, с.287; Арсеньева, Науменко, 2001, с. 72]. Амфоры типа Зеест 100 А.В. Сазанов на основании общепринятой датировки начального периода существования позднеантичного Танаиса отнес к 360-380 гг. [Сазанов, 1989, с. 50, рис. 3, 12, признак 12]. Сама И.Б. Зеест датировала эти амфоры IV в. н.э. [Зеест, 1961, с. 120, табл. XXXIX, 100]. Они в большом количестве встречаются на всех черняховских памятниках Причерноморья и имеют, вероятно, синопское происхождение [Рикман, 1972, с. 90; Рикман, 1987, с. 49, рис. 34, 3-6; Магомедов, 1991, с. 15 сл., рис. 17, 1-2; Kassab Tezgör, 2010, p. 121 – 140]. По материалам раскопок городища Белинское, где фрагменты подобных амфор найдены в вместе с монетами, конечная дата которых 322 г. н.э., В.Ю. Юрочкин и В.Г. Зубарев считают, вслед за Б. Бёттгером, что начало их производства лежит в пределах первой половины IV в. н.э. [Юрочкин, Зубарев, 2001, с. 460-461, 465]. Верхняя дата сейчас в основном связывается с началом V в. н.э. [Orait, 2010, p. 375; Смокотина, 2011, с. 355 – 357; Власов, Смокотина, Храпунов, 2011, с. 189-193].

¹¹ В 1971 г. Д.В. Деопиком в рамках отчета о работах Нижне-Донской экспедиции ИА РАН была предпринята попытка разделения поздних слоев городища на три строительных периода. За точку отсчета была принята последняя четверть IV в. [Арсеньева, 1971, с. 6-9]. Эти стратиграфические наблюдения были положены в основу при последующем исследовании Танаиса IV-V вв. [Арсеньева, Науменко, 1995, с. 45-46]. Свое дальнейшее развитие периодизация получила в публикациях результатов работ 1993-1999 гг. русско-германского отряда Нижне-Донской экспедиции ИА РАН на раскопе XIX., где было открыто множество новых сооружений позднеантичного Танаиса [Бёттгер, Ульрих, 2000, с. 296-299]. Начало первого периода («первой фазы») теперь уже относят к середине IV в. Однако, как и прежде, четких маркеров времени слоев внутри построек не найдено, а, следовательно, и хронология пока остается относительной. Деление же времени существования построек на 3 фазы (строительных периода) является относительным. Возможно, что всесторонний анализ групп материалов, встречающихся в комплексах, позволит уточнить даты.

Глава 3

Вполне вероятно, что производство амфор типа Е и поступление их в Танаис могло начаться гораздо раньше того времени, о котором писал А.В. Сазанов [Сазанов, 1993, с. 16]. Тем более что и начальная дата существования первого строительного периода позднеантичного Танаиса может отодвигаться в современных работах уже к середине IV в. н. э. [Бёттгер, Ульрих, 2000, с. 286]¹².

Если основываться на типологии А.В. Сазанова, то нужно отметить, что одни и те же пометки сопровождают амфоры типа Е с тремя разновидностями венчиков, выделенными указанным автором. Что касается нижних частей тулова, то об этом судить трудно, так как амфоры имеют, как правило, недостаточную для этого сохранность. Возможно, что традиция подобной маркировки была не слишком широка по времени. В этом случае подобное сочетание в пределах достаточно узкой даты характерно для типа 2 (по А.В. Сазанову), который датируется первой половиной V – второй четвертью VI вв. н. э. [Сазанов, 1993, с. 16]. Однако танаисский материал позволяет говорить, скорее, о второй половине IV в. н.э. – первой половине V в. н.э.

Так, например, амфоры с интересующими нас пометками обнаружены в слое жизни домов AN, AV (кат. 3, № 143) и AS (раскоп XIX), из которых первые два относятся исследователями к первому строительному периоду (первой фазе), а дом AS – ко второму (кат. 3, № 90). Развал амфоры с надписью группы «a/π» (кат. 3 № 143) лежал на полу помещения AV. Помещение погибло при пожаре и не восстанавливалось позже [Arsen'eva, B. Böttger, Ulrich, 2000, p. 526, abb. 36]. В помещении AK (VI раскоп) вместе с целой амфорой Е и горлом такой же амфоры (кат.3, № 15, 130) был обнаружен фрагмент краснолаковой тарелки понтийского производства, бытовавшей, по мнению Т. М. Арсеньевой и К. Домжальского, с середины IV до середины V вв. [Arsen'eva, Domžalski, 2002, PRS, Form 1. p. 426, cat № 93]. Подобные же фрагменты краснолаковых тарелок найдены в упомянутом выше помещении AS на раскопе XIX [Arsen'eva, Domžalski, 2002, PRS, Form 1, cat № 184] и в помещении A3 (VI раскоп): надпись № 161, по каталогу 3 приложения; тарелка [Arsen'eva, Domžalski, 2002, PRS, Form 1, cat № 13].

В пользу существования подобных пометок на амфорах типа Е в третьей четверти IV в. н.э. говорят и находки их в позднейших слоях Ольвии [Крапивина, 1993, с. 94, тип 6, рис.26, 9-11; Крапивина, 2010, p. 73, pl. 38.5, 39.10], жизнь в которой, по мнению исследователей, прекратилась еще до гуннского нашествия [Крапивина, 1993, с. 157; Крыжицкий, Русяева, Крапивина, Лейпунская, Скржинская, Анохин, 1999, с. 341; Буйских, 1991, с. 141]¹³. Таким образом, на пе-

¹² В готовящейся к изданию монографии Б.Бёттгера и С.А. Науменко «Танаис и его амфоры», с рукописью которой авторы любезно разрешили ознакомиться, первая фаза датируется серединой IV в. н.э. – до 70-х гг. IV в. н. э., вторая фаза – с 375 г. по 430 г. н.э. (глава 3.1).

¹³ Среди недавно опубликованных ольвийских материалов интересны два горла амфор типа Е, на одном из которых видна надпись краской А/П/ΕΥΚΑΡΠΟΥ, на другом - А/П/ΘΕΥΠΡΟ/ΕΥΝΘ [Крапивина, 2010, pl. 39,5,10]. Комментарий см. приложение 2, каталог 3, №№ 72, 110.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

риод не позднее третьей четверти IV в. н. э. приходится, по всей видимости, время более или менее стабильного существования амфор типа E с пометками группы « α/π »¹⁴ и сосуществования их с амфорами типа F3 с такой же маркировкой.

Возможно, традиция подобной маркировки появляется в середине IV в. н.э. и прекращается вместе с окончанием производства амфор типа F-3 в начале V в. н.э.

Изучение минералогического состава теста узкогорлых светлоглиняных амфор показало, что они происходят из одного и того же производственного центра [Деопик, Круг, 1972, с. 100; Каменецкий, 1963, с. 29-36]. В соответствии с выводами С.Ю. Внукова, указывающими на гераклейское происхождение узкогорлых светлоглиняных амфор C-IVA – C-IVD [Внуков, 2006, с. 48-57], к этому же центру производства могли принадлежать амфоры E и F [тип E - см., например, Arsen'eva, Kassab Tezgör, Naumenko, 1997. P.189, fig. 17-20].

В качестве содержимого таких сосудов выступало вино. В пользу этого предположения свидетельствует анализ заполнения амфоры F из кургана № 7 Пыльповского могильника (Восточное Прикарпатье), проведенный в лаборатории Крымского научно-исследовательского института виноградарства и виноделия. Исследования показали, что в амфоре содержалось виноградное вино [Вакуленко, 1999, с. 303]. Вполне вероятно, что с этим вином и были связаны надписи группы « α/π » на амфорах E и F-3.

Вернемся теперь к текстам надписей. Как мы помним, по содержанию рассматриваемые в настоящей работе *dipinti* условно делимы на три блока информации, располагающиеся снизу вверх¹⁵.

Первый блок нанесен сразу под венчиком, между верхними прилепами ручек. Он содержит две буквы –“ α/π ” (рис. 39,1 и сл.), где, как уже отмечалось, α всегда расположена над π .

О смысле этого сочетания, к сожалению, пока можно только догадываться. И.А. Емец и О.Д. Чевелев говорили о нем следующее: «совершенно очевидно, что перед нами какая-то цифровая комбинация, а не сокращение слова» [Емец, Чевелев, 1995, с. 13]. Для подтверждения этого тезиса им представляется целесообразным обратиться к материалам из Танаиса, в котором среди *dipinti* «встречена целая серия подобных надписей с различными буквенными комбинациями». Но этот тезис не бесспорен. Частая встречаемость такой аббревиации на красноглиняных и светлоглиняных амфорах первых веков нашей эры верна лишь отчасти.

Действительно, буквы α и π и их сочетания нередки в маркировках в качестве цифр и возможных обозначений партий товаров, в том числе и на танаисских светлоглиняных амфорах типа D середины III в. н.э. Именно такие пометки рассматривал в 1981 году Б. Бёттгер. Однако, среди маркировок на сосудах II-

¹⁴ Нижнюю границу существования надписей можно отнести, пока условно, к середине IV в. н.э.

¹⁵ Такое разделение подразумевает лишь порядок расположения информации на сосудах

Глава 3

III вв. н.э. пометки «a/π», где первая буква поставлена над второй, в Танаисе отсутствуют. Прочие сочетания этих знаков встречаются не чаще, чем другие цифровые комбинации [Бёттгер, Шелов, 1998, табл.8 и сл.; Бёттгер, 1981, с. 206-213].

Напротив, в надписях группы «a/π» мы имеем постоянно повторяющийся порядок расположения букв, причем, как уже отмечалось, характерный только для амфор типа E и F-3. Они имеются везде, где есть подобные амфоры, являясь своеобразным маркером типов. Иные буквосочетания при наличии этого блока информации мне неизвестны.

На такое замечание возразил И.А. Емец в работе, посвященной граффити и *dipinti* античных городов Боспора Киммерийского. В частности, он пишет: «Вряд ли правомерно утверждение, что они (надписи группы «a/π») наносились только на светлоглиняные амфоры типов E и F и, следовательно, их бытование ограничивается второй половиной IV – началом V вв. н. э. Как свидетельствуют находки из Кеп и Горгиппии, они встречаются и на аналогичных амфорах типов C и D, поэтому их следует датировать в более широких пределах – от середины III в. н.э. до середины V в. н.э. Э.И. Соломоник даже относит некоторые светлоглиняные амфоры с подобными надписями из Херсонеса и его окрестностей к I-II вв. н. э., а другие – к IV в. н. э.» [Емец, 2005, с. 172].

К сведению автора цитаты, можно отметить, что к настоящему времени нет информации о том, чтобы период бытования амфор типа C доходил до середины III в. н. э. [Внуков, 2006, с. 125 и сл.]. Э.И. Соломоник, на публикацию которой ссылается И.А. Емец, указывает, что интересующие нас пометки находятся на «фрагменте верхней части светлоглиняной амфоры I-II вв. н.э.» [Соломоник, 1993, с. 104-105]. Изображение же самой амфоры не приводится. Но даже на тех схематичных рисунках амфор из Кеп и Горгиппии, которые есть в монографии И.А. Емца [Емец, 2005, табл. CVIII, СІХ, 1], явно видно, что амфоры не принадлежат к типам C и D. В отчете о работах на раскопе «Город», пл. IV в Анапе (1960 г.) имеется фотография горгиппийской находки [Кругликова, Кошеленко, 1960, рис. 59, опись № 93]. Судя по ней, достаточно очевидна принадлежность горла сосуда к амфорам варианта F-3. Кроме того, в нижней части надписи четко читается начало имени «Σεν», в то время как прорисовка в каталоге И. Е. Емца и П. Д. Диатроптова дает нам совершенно иное сочетание букв – «Av» [Емец, Диатроптов, 2002, кат. № 196]. Все остальные параметры горла амфоры и *dipinti* на ней совпадают с фотографией и описанием в отчете. Амфора из Кеп, скорее всего, относится к типу E.

Кроме того, среди опубликованного И.А. Емцем и В.Г. Зубаревым материала из Белинского городища имеются два амфорных фрагмента с остатками надписей группы «a/π» [Емец, Зубарев, 2000, кат. № 15; № 38]. Первый из них (№ 15 по каталогу указанной работы), верхняя часть горла с венчиком, был отнесен авторами публикации к амфорам типа F. Второй фрагмент, нижняя часть горла

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

узкогорлой светлоглиняной амфоры (№ 38), – определен как тип D. В процессе работы с материалом в фондах Керченского музея мне удалось выяснить, что эти фрагменты склеиваются между собой и, соответственно, принадлежат одной и той же амфоре варианта F-3¹⁶.

Если принять точку зрения Э.И. Соломоник [Соломоник, 1993, с. 104], а вслед за нею – И.А. Емеца и О.Д. Чевелева, которые говорят о цифровом значении этих букв, то надо предполагать, что все известные до сих пор амфоры данного типа имели одну и ту же фиксированную цифровую пометку. Это, как мне кажется, достаточно сомнительно. Против понимания пометки как цифрового обозначения объема (по Э.И. Соломоник) может свидетельствовать тот факт, что амфоры с маркировкой “а/π” имеют объемы от 1,7 л (амфоры типа F) до 30 л (амфоры типа E)¹⁷. Вероятно, это же противоречит и расшифровке пометок как цены содержимого. Постоянное повторение одной и той же аббревиации наводит на мысль о том, что она была общепринятой и, соответственно, общеизвестной для определенного круга лиц, связанных с производством и транспортировкой содержимого амфор.

За сочетанием «а/π» могло скрываться обозначение места производства. Известно, что в более позднее время (VI-VII вв. н.э.) на амфоры, перед тем как указать на содержащиеся в сосудах продукты, наносили кристогамму или формулу Θεοῦ χάρις κέρδος (постоянную для всех надписей категории), а затем - пометку о локальном месте производства (постоянную для больших групп). Например: ΧΜΓ/ ἁγίου Κόνωνος... или Θεοῦ χάρις κέρδος/ ἁγίας Μαρίας. Термин «ἅγιος» вместе с личным именем указывал название монастыря (монастырь святого Конона или святой Марии), в котором амфора была заполнена продуктом [Derda, 1992, p. 135-152].

Очевидно, что подобная традиция маркировки могла иметь место и в IV веке нашей эры. Но, скорее всего, сочетание букв «а/π» не самостоятельная аббревиация, так как нам пока не известны надписи, где бы присутствовала только она (исключая, конечно, фрагменты амфор). Данная формула всегда сопровождалась именами ниже.

Если обратиться к материалам Афинской агоры, опубликованным М. Лэнг, то в разделе «Tax notations» [Lang, 1976, p. 82 ff.] можно найти типичные для этой группы тексты, по устойчивости повторений близкие надписям группы «а/π». Они состояли из двух элементов: «даты и названия поместья». Причем, как отмечает М. Лэнг, «название поместья довольно часто предваряется сокращенной формой слова χωρίον. Полные имена (названия поместий) со словом «χωρίον» стояли в форме родительного падежа. Такая комбинация –

¹⁶ Надпись № 3 по каталогу 3 в приложении 2 к данной работе.

¹⁷ Замеры производились научным сотрудником музея «Танаис» С.А. Науменко и автором данной работы.

Глава 3

«даты и названия поместья» появилась в начале IV века н. э. и была связана с налоговой политикой Диоклетиана.

Еще одна формула встречается на трех сосудах из Афинской агоры, датированных началом IV - V вв. н.э.: ἄπό вместе с именами, стоящими в родительном падеже, или сокращениями. Здесь имена также являлись названиями поместий [Lang, 1976, p. 82 ff.]. Ссылаясь на сохранившиеся надписи, автор каталога афинского материала отмечает, что большая часть из названий поместий была связана либо с топографическими терминами, либо с другими естественными наименованиями. Однако некоторые поместья имели в качестве названий “the names of persons”.

Исходя из этого, можно предполагать, что сочетание «α/π» являлось устойчивым сокращением ἄπό, а следующие за ним имена были именными названиями поместий.

Кроме того, это буквосочетание могло являться сокращением «παρά», то есть «от» («с, от, со стороны кого или чего»), согласно греческо-русскому словарю А.Д. Вейсмана [Вейсман, 1899]. По словарю Liddell-Scott-Jones – «παρά» with Genit. 2. *from him, issuing from a person*. Последняя трактовка мне кажется более предпочтительной (хотя общего смысла надписи это и не меняет). Такое сокращение могло появиться из-за ограниченного количества места на горле сосудов либо быть общепринятым для разных категорий надписей. К сожалению, мне пока не удалось найти похожих сокращений на иных эпиграфических памятниках, одновременных рассматриваемым здесь пометкам. Показательной в этом отношении может быть лишь надпись второй половины VI в. на мраморной плите малоазийского происхождения, хранящаяся в Лувре. Здесь в тексте встречается сокращение «παρά» в виде «альфы», поставленной над «пи» [Dain, Rouillard, 1930. P. 317, 319] (рис. 36).

В пользу «παρά», вероятно, может свидетельствовать и находка в дельте Дона, на поселении Рогожкино X, амфоры типа E с надписью краской на горле. В данной пометке верхняя строка содержала буквосочетание «πα», нанесенное в одну линию [Гудименко, 2000, с. 274, рис. 3, 3]. При этом остальные амфоры типа E и F, найденные на этом же поселении, имели маркировку в виде стандартно поставленной α над π. Но, в любом случае, и «ἄπό» и «παρά» указывают на происхождение содержимого амфор.

Второй блок информации состоит из одной, двух и, в отдельных случаях, трех строк.

Первая строка второго блока располагается ниже “α/π” и содержит имя, данное в сокращении (EYΛOΓI; AΓAΘ и т.д.) и реже – в полной форме Gen. sing. Полностью в нашем каталоге имеется 13 имен: AΓAΘIOY (кат.3 № 1)¹⁸; BΑΣIΛIΔOY (кат.3 № 16), EYKAPΠOY (кат.3 № 72), EYΛOΓIOY (кат.3 № 74),

¹⁸ Номера в скобках обозначают порядковый номер по каталогу 3 в приложении 2.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

ΕΥΨΥΧΙΟΥ (кат.3 № 92), ἩΛΙΟΥ (кат.3 № 98), ἩΣΥΧΙΟΥ (кат.3 № 99), ΙΜΟΥ (кат.3 № 153), ΤΡΥΦΟΥ (кат.3 № 140), ὙΠΙΟΥ (кат.3 № 3), ΦΕΛΙΟΥ (кат.3 № 143), ΦΩΚΑ (кат.3 № 13), ΧΟΡΟΥ (кат.3 № 157). В некоторых случаях, когда имя в первой строке нанесено полностью, надписи второй и третьей строк второго блока отсутствуют (кат.3, №№ 1, 16, 72, 74, 92, 98, 150, 157).

Вторая строка второго блока также содержит имя, данное обычно в сокращенной форме (ΑΡΙΣΤ; ΕΥΓΕ, ΣΤΟΡΑ; ΠΑΥΛ и т. д.), но есть и полные формы, стоящие в родительном падеже: ΙΜΟΥ, ὙΠΙΟΥ, ΦΩΚΑ. Имена этой строки часто расшифровывают как название содержимого, качественная характеристика продуктов, находившихся в амфорах, или указание на емкость сосудов.

Рассматривая одну из таких маркировок (кат.1 - № 91), содержащую после «α/π» два сокращения: «ΕΥΤΥ» («Ευτ» – по И.Э. Соломоник) и «ΕΛΠΙ», И.Э. Соломоник в качестве варианта расшифровки предположила, что первое сокращение здесь может обозначать имя Эвполид, а второе – его патронимик. Правда, она сама тут же отвергла это предположение, склонившись в пользу другого прочтения аббревиаций: «ευτ(ετης) (οινος) / Ελλι(νικος)» – «легкое (вино)/ (амфора Элпиника)» [Соломоник, 1993, с. 106]. Имеющаяся к настоящему времени достаточно большая подборка типологически сходных надписей позволяет уверенно относить и пометки второй строки второго блока к именам. Тем более, что они, порой, даются в полной форме (может быть, не так часто, как имена 1-й строки (кат.3 № 3, 34 153).

С большой долей вероятности можно предполагать и то, что второе имя не является патронимиком, а принадлежит другому человеку, нежели первое имя. Подтверждением этому могут служить группы надписей, в которых первое имя остается неизменным, а второе меняется. При этом сходство в почерке пометок, как мне кажется, остается. Например, в приведенном ниже каталоге с именем 1-й строки ΒΑΣΙΛΙ встречаются следующие имена 2-й строки: ΑΛ, ΑΡΙΣΤ, ΔΙΣΥΡ, ΕΡΩΣ, ΕΥΗ, ΕΕΣΤΑ, ΕΥΘΥ, ΘΕΟ, ΗΡΑ, ΙΣΦ, ΜΑΚ, ΠΑΥΛΩΝ, ΣΤΟΡΑ, ΦΩΚΑ (не менее 15 имен). Амфоры типа F и E с пометкой «ΒΑΣΙΛΙ» известны в Танаисе, Рогожкино, на хоре Херсонеса [Кузищин, Иванчик, 1998, с. 212-213, рис. 4-6], Пантикапее [Емец, Чевелев, 1995, с. 12-13, кат. № 9], Инкерманском могильнике [Веймарн, 1963, с. 23, рис.16.2], Батарейке I, Ильичевке и др. (кат. 3, №№ 17-53). Кроме того, в склепе № 22 крымского могильника Красная Заря (раскопки Ю.П. Зайцева, 1995 г.) была обнаружена амфора F-3 с нанесенным сходным почерком только одним именем – ΒΑΣΙΛΙΔΟΥ (кат.3 № 16). Замена почерка чаще всего наблюдается лишь при смене первого имени надписи.

Интересно отметить и то, что большинство имен, встреченных в этих надписях, производны от греческой основы (к анализу их мы вернемся чуть позже). Видимо, это вызывает ощущение обозначения качества содержимого (ΑΓΑΘ... - ἀγαθός; ΕΥΣΘΑ...- εὖσταθής и так далее), или - просто термина, например, “ΕΥΛΟΓΓ”, в котором Э.И. Соломоник видит слово «εὐλογία»

Глава 3

(благословение), а амфору с такой пометкой она связывает с христианскими надписями из Херсонеса [Соломоник, 1995, с. 42]. Надпись Θεου – указание на предназначение амфоры богу [Соломоник, 1993, с. 107].

Об именном содержании некоторых из этих надписей говорится и в статье И.А. Емеца и О.Д. Чевелева [Емец, Чевелев, 1995, с. 13]. Они же отмечают, что первое имя, данное, на их взгляд, в более сокращенной форме могло принадлежать получателю, а второе, более полное, отправителю товара. Это вполне вероятно с тем лишь уточнением, что в подобных надписях известны полные варианты как первых, так и вторых имен, а иногда встречаются пометки лишь с одним именем. Такая форма заставляет нас обратиться к похожим сочетаниям постоянных и переменных имен в клеймах на амфорах эллинистического времени, где первое, постоянное для определенной временной группы, принадлежало магистрату, а второе, переменное, указывало мастера. При этом ни одно из двух имен не было связано с получателем товара.

Кому принадлежат имена в нашем случае, достаточно трудно сказать. Однако по широте ареала, в котором встречаются пометки группы « α/π » с одними и теми же именами, можно предполагать, что наносились они в центре заполнения амфор содержимым, где подобная маркировка имела смысл¹⁹. Она могла быть общепринятой для данного центра, но за его пределами – теряла свое основное значение, давая лишь оттенки качества, так же, как в более раннее время сочетание магистратских и фабрикантских клейм, вероятно, было важно, при общей стандартности сосудов, только в производящем центре. Потом оно теряло особый смысл, маркируя разве что время производства и давая гарантию стандарта.

Если же считать, что наиболее полная форма надписей имела следующий вид: 1-й блок – α/π = *παρά* (или *ἀπό*); 2-й блок: 1 строка – имя в родительном падеже, 3-я строка – имя в дательном падеже, то можно связывать первое имя с отправителем, а второе – с получателем товара, либо посредником при торговле. В таком случае постоянство почерка надписей, при сохранении первого имени, вполне нормально. Но пока среди надписей 2-й строки второго блока имен в форме дательного падежа не встречалось. И, напротив, имеются случаи, когда второе имя дано полностью, и при этом оно, так же, как и первое, стоит в родительном падеже (кат.3 № 3, 153). Тогда надпись нужно понимать как «(товар) от Фоки и Има»; «от Басилида и Фоки» и т.д.

Третья строка второго блока встречается в надписях достаточно редко. В нашей коллекции имеется пока всего четыре таких надписи: кат.3, № 80 – Рогожкино – буква Z; кат.3, № 25 – Рогожкино X – буква X; кат.3, № 3 –

¹⁹ Большую роль в определении клейм играет сравнительный анализ штемпелей. В надписях краской это сделать крайне сложно. Поэтому наблюдения за сходством почерков крайне условны по своей точности.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

Белинское городище – сокращение имени Ρου; кат.3, № 133 – Китей – буква Γ. Если Ζ, Χ, Γ могли обозначать числа, то пометка Ρου, скорее всего, является именной. Но так как эта позиция пока выходит за пределы стандарта, понять её назначение трудно.

На некоторых амфорах имеются дополнительные надписи с противоположной стороны – третий блок информации. Как правило, это сочетания букв: ΑΡ – кат. 3, № 5, 30-33, 119; вертикальная черта – кат. 3, № 79; ΕΥ – кат. 3, № 103; ΦΑ – кат. 3, № 105; Α – кат. 3, № 106; ΟΣΤ – кат. 3, № 120; ΤΙΤ – кат. 3, № 121. На одной амфоре типа Ε из Танаиса надпись группы «α/π» целиком дублирована с противоположной стороны (кат.3 № 143 Танаис). Пометок т.н. третьего блока пока очень мало для того, чтобы делать выводы. Возможно, подобные надписи связаны уже с прохождением товара таможенных зон и являются отметками об уплате налогов или сокращениями имен контролирующих чиновников. Но это предположение ничем подкрепить нельзя.

И.А. Емец предложил для пометок третьего блока из Рогожкино XIII свою трактовку. Он пишет следующее: «Так на одной из них (амфоре) написано ΤΙΤ, что может означать τῆτανος - «гипс, известняк, мел». Аббревиацию ΟΣΤ можно дополнить как οστεον – «кости» или οστρακνοι – «ракушки» [Емец, 2005, с. 183].

Трудно представить себе, что на поселение Рогожкино XIII, в дельту Дона в двухлитровых амфорах варианта F-3 транспортировали из Гераклеи Понтийской или из Танаиса столь экзотичные продукты. Но и такому прочтению можно найти объяснение. В трактате «Геопоники», например, имеются советы о том, что нужно предпринимать заранее, чтобы вина не прокисали: «гипс, высыпаемый в вино, делает его сначала более кислым, но со временем эта кислота выдыхается, а польза от гипса остается [Геор. VII.12.5]; «другие жгут ракушки, растирают их как можно мельче и высыпают этот порошок в вино» [Геор. VII.12.16]. Кроме того, в качестве добавок фигурируют: прожаренная соль, сладкий миндаль, изюм, греческое сено, мед с молоком, корни виноградной лозы, оливковое масло, мука из черного или белого гороха, бруттийская смола и т.д. [Геор. VII.1-28]. В таком случае, надо полагать, производитель вина ставил в известность покупателя о применяемых им консервантах. Исключать этого нельзя, но подтвердить догадку без химического анализа или без наличия полных форм упомянутых терминов невозможно. Кроме того, видно, что на амфоры из Рогожкино XIII маркировку ΑΡ наносили не одновременно с остальной надписью. Почерк в этой пометке похож даже на амфорах с различными именами (кат. 3 № 30-33 и № 98, № 119, № 124).

Для лучшего понимания возможного пути попадания амфор рассматриваемых типов в дельту Дона, а, соответственно, и их содержимого, мне хотелось бы остановиться на характере позднеантичных поселений в районе дельты Дона, таких, как поселения у хутора Рогожкино. Находки амфор Ε и F в донской дельте зачастую рассматривают как свидетельство того, что сюда

Глава 3

в середине III в. н. э., спасаясь от гибели, переселилась часть жителей разрушенного Танаиса и окрестных городищ [Гудименко, 2000, с. 276]. Отчасти это предположение опирается на нижнюю хронологическую границу бытования амфор F, которую относят ко второй половине III в. н.э. [Шелов, 1978, с. 19, рис.10; Сазанов, 1993, с. 19] и амфоры E, время появления которых связывали со второй половиной IV в. н.э. [Деопик, 1972, рис. 1, 2, 4е, 6е, 7е; Шелов, 1978а, с. 19, рис. 9; Сазанов, 1989, с. 43,44; Сазанов, 1993, с. 19-20, рис. 5-8]. При такой хронологии складывается следующий вариант развития событий. Когда Танаис погибает в пожаре середины III в. н.э., жители покидают его и переселяются в дельту. На время разрываются торговые связи города. Однако ушедшее население не прекращает торговли и, естественно, переориентирует на себя (на новое место проживания) поставки светлоглиняных амфор. С возобновлением жизни в городе амфорная торговля налаживается вновь. Поэтому 99% позднеантичных амфор, найденных на том же Рогожкино XIII, представлены типом F и лишь менее 1% составляют амфоры типа E. Такая же статистика, проведенная на материале Танаиса, показывает, что здесь, напротив, доминируют амфоры E (46,53% от общего числа амфор этого периода, по подсчетам С.А. Науменко – Б. Бёттгера), а фрагментов амфор типа F – около десятка (0.96%). Однако вызывает удивление то, что «ушедшее население» использует только два этих типа сосудов, хотя мы знаем, что в периоды и до и после предполагаемой гибели города сюда поставлялись амфоры многих центров. Более того, с разгромом Танаиса в середине III в. н.э. торговля амфорами в других причерноморских областях не прекращается.

Во второй половине IV в. н.э., вероятно, опять восстанавливается какая-то часть сельских поселений на правом берегу Дона. Так, например, материал позднеантичного времени засвидетельствован на Сухо-Чалтырском [Копылов, Томашевич-Бук, Иванов, 1998, с. 99], Кизитиринском (каталог 2 № 83) и Кобяковском городищах²⁰. Мы знаем, что при раскопках на территориях поселений, прилегавших к Танаису в I-III вв. н.э., а также их некрополей обнаруживаются как большие красноглиняные зерновые амфоры, так и сравнительно малые по емкости малоазийские или колхидские амфоры [Братченко, 1957, с. 190-192; Беспальный, 1998, с. 26; Кругликова, 1974, с. 183; Гобенко, Косяненко, 2011, с. 55; Шелов, 1972, с. 180-231]. Хотя, конечно, и тогда кочевое население отдавало предпочтение винарным сосудам синопско-гераклеяского произ-

²⁰ До настоящего времени ни на самом поселении, ни на его некрополе позднеантичного материала не обнаруживалось. Поэтому считалось, что оно погибло в волне разрушений середины III в. н.э. Однако, сейчас в фондах Аксайского музея находятся три горла амфоры типа E, найденные в осыпавшейся хозяйственной яме на склоне террасы в 2003 г. сотрудником музея Ю. Н. Зоровым. На всех горлах просматриваются дипинти типа «a/π», что позволяет мне отнести эти находки ко второй половине IV в. н.э. На этом основании можно предположить, что жизнь на данном поселении, так же, как и в Танаисе, продолжалась в позднеантичное время.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

водства и практически не использовало иные центры. Об этом свидетельствуют находки в погребениях и тризнах в степи. Но, говоря о поселениях дельты Дона, мы имеем в виду и то, что их населяли выходцы из разрушенного города Танаиса. В этом случае нужно признать, что либо они сохранили связи только с Южным Понтом, либо предпочитали, как многие кочевники, сосуды (продукцию) лишь данного региона. Тогда этот последний факт может быть еще одним подтверждением тому, что «на островные поселения проникли и осели разрозненные остатки некогда весьма могущественной орды кочевников, которая в первые века группировалась на Нижнем Дону, преимущественно вокруг Танаиса, но в ходе бурных событий середины III в. н.э. была частью ассимилирована, частью вытеснена на периферию степной Сарматии пришлыми предкавказскими племенами [Гудименко, 2000, с. 276-277], а также сюда влились «мигрировавшие с северо-запада носители ранее чуждых Подонью культурных традиций». Однако, если исходить из того, что амфоры указанных выше типов датируются все-таки второй половиной IV-V вв. н.э., то можно предположить еще один вариант возникновения и существования поселений типа Рогожкино XIII в донской дельте.

Мы знаем, что рыбный промысел занимал достаточно важное место в жизни древних танаитов. Об этом свидетельствуют и многочисленные рыболовные грузила, находимые на территории города практически во всех временных слоях. Особенно важной эта отрасль хозяйства населения могла стать в позднеантичный период, когда в большей части распалась цепь сельскохозяйственных поселений вокруг Танаиса, поставлявших сюда зерно и прочие продукты, что позволяло в I-III вв. н.э. отчасти обеспечивать непосредственно жителей самого города, а также могло служить солидной базой для существования экспортной торговли. При отсутствии такой базы рыболовство было бы выходом из сложившейся ситуации.

И, действительно, наблюдения за стратиграфией Танаиса второй половины IV в. – первой половины V в. н.э. позволяют исследователям отмечать многочисленные «слои рыбных костей и чешуи, мощность которых измеряется в дециметрах» [Бёттгер, Ульрих, 2000, с. 299]. Рыбьи кости и чешуя всегда в большом количестве присутствуют на полах всех позднеантичных построек, а в заполнении некоторых ям толщина этих остатков достигает 0,5 м. Присутствие наибольшего количества рыбы фиксируется в слоях первой половины V в. н.э., когда она могла даже экспортироваться. Анализы костных остатков рыб, проведенные в последнее время, свидетельствуют, что все обнаруженные при раскопках городища виды рыб встречаются (даже в настоящее время) в Доне [Васильева, 1999, с. 68]. Среди всего остеологического материала городища IV-V вв. кости рыб составляют около 20%. Этот факт свидетельствует о том, что рыболовство в это время становится одной из основных отраслей экономики населения города. При этом уменьшение возраста вылавливаемой

Глава 3

рыбы в сравнении с предыдущими столетиями как в самом Танаисе, так и на территории Нижнего Дона говорит о высокой интенсивности в городище рыбного промысла, который привел к «перевылову» и даже к некоторому истощению рыбных ресурсов уже в позднеантичный период истории Танаиса [Васильева, 1999, с. 71].

В этой связи мне кажется, что такие объемы добычи рыбы могли обеспечиваться не только за счет её ловли в прибрежных водах городища. Вероятно, должна была существовать целая сеть небольших рыболовецких поселений, связанная с Танаисом своими регулярными поставками. Прекрасной базой для таких пунктов была дельта Дона. В ходе раскопок поселения Рогожкино XIII было открыто немало больших хозяйственных ям с рыбными остатками, которые, вероятно, использовались для хранения и засолки этого продукта. Далее добытый улов мог переправляться в Танаис, а оттуда и в иные пункты торговли.

При этом такие рыболовецкие станции могли быть как постоянными, так и временными (сезонными). В этом, последнем случае в них могли проживать и сами танаиты. Тогда не случайным будет совпадение набора находок в слоях позднеантичного Танаиса и этих поселений. Сосуды с вином сюда доставлялись в обмен на рыбу либо забирались промысловиками в качестве припасов. При этом использовались привычные типы амфорной тары – малолитражные амфоры F, наиболее удобные для транспортировки в условиях дельты, а также небольшое количество амфор E. Здесь они складировались в ямы-хранилища. Отметим, что подобная картина доминирования на крупных городских поселениях амфор типа E отмечена и В.В. Крапивиной на примере Ольвии [Krapivina, 2010, p. 73]. Наблюдая за надписями на них, мы можем предполагать, что прибывали они небольшими партиями от одних и тех же поставщиков. Имена этих поставщиков, выполненные тем же почерком, засвидетельствованы и в самом Танаисе.

Кроме того, о синхронности существования поселений типа Рогожкино XIII и Танаиса, говорит и тот факт, что все амфоры типа F, известные до настоящего времени в дельте Дона, относятся к позднему варианту, который на материале крымских могильников датируется именно второй половиной IV в. н.э. Этот же поздний вариант сосудов был найден в слоях Танаиса и на Кизитиринском городище. Вариантов же более раннего времени (F1 и F2), присутствующих на территории азиатского и европейского Боспора, на данных поселениях пока не находили. Нет их и в Танаисе. Все это не дает оснований определять более раннюю дату возникновения таких поселений, увязывая её с разгромом Танаиса в середине III в. н.э. Скорее всего, такие рыболовецкие станции существовали в дельте задолго до разрушения города, и именно с ними здесь могла быть связана часть находок узкогорлых светлоглиняных амфор II-III вв. н.э.

Вероятно, о похожей ситуации говорил и Страбон, описывая путь из Танаиса при плавании вдоль побережья: «... мы встречаем прежде всего на расстоянии 800 стадий реку под названием Большой Ромбит, где находятся самые большие

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

места ловли рыбы, назначенной для засола... У тех, кто живет около Большого Ромбита, островки служат рыболовными стоянками» [Strabo. XI, II.4]. Может быть, во второй половине III – начале IV вв. н.э. население дельты существенно пополнилось за счет спасшихся обитателей Танаиса и его окрестностей, а также мигрантов с северо-запада. Однако у нас нет пока доказательств того, что на данном временном отрезке они поддерживали торговые связи, хотя бы отдаленно сопоставимые с теми, что были в Танаисе как до середины III в. н.э., так и после возобновления жизни в городе после середины IV в. н.э.

Таким образом, распространение амфор на Нижнем Дону мы, как и в более раннее время, можем связывать с восстановленными во второй половине IV в. н.э. торговыми функциями Танаиса. Вместе с его возрождением налаживается и система рыболовецких станций в дельте Дона. С этой точки зрения можно объяснить и тот факт, что поселение Рогожкино XIII «возникает внезапно на ранее не заселенном участке и, также внезапно, прекращает свое существование» [Гудименко, Ильяшенко, 2000, с. 12].

3.2. Имена в надписях группы «а/π»

В публикациях, как правило, пометки группы «а/π» связываются напрямую с местами находок. Считается, что так владельцы усадеб и помещений фиксировали свою собственность на сосуды с содержимым, или получали их уже с пометкой своего имени как конечные адресаты продукции [Шелов, 1978, с. 47-55; Бёттгер, 1981, с. 206-213]. Поэтому именная маркировка на амфорах, по мнению исследователей, добавляет новый пласт в ономастикон тех поселений, где найдены сосуды, и служит существенным документом при отсутствии иных письменных источников [Бёттгер, Шелов, 1998, с. 102-107; Емец, Зубарев, 2000, с. 28, 31].

С этой точки зрения уместно еще раз обратиться к анализу имен группы «а/π» на амфорах из Танаиса и поселений дельты Дона, имеющих в нашем распоряжении. При этом использовались греческие своды [LGPN] городов Северного Причерноморья [Zgusta, 1955], а также имена из Корпуса боспорских надписей [КБН]²¹. Особенно показательным является свод имен Аттики [LGPN II, 1994]. Это связано с тем, что территория Аттики находится на достаточном удалении от Боспора, и поэтому здесь, на мой взгляд, в меньшей степени могли укорениться варварские имена, популярные в Северном Причерноморье и Танаисе.

Всего к настоящему моменту на амфорах типов F и E, происходящих

²¹ Я не стану утверждать, что информация, полученная таким образом, полностью достоверна, т.к. со времени выхода указанных работ прошло достаточно времени, чтобы в находках появилось множество новых, до того не отмеченных в списках городов Боспора, имен. Однако и количество *dipinti* растет.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

(кат. № 28), Инкермана (кат. № 29, 40), Ильичевки (кат. № 51), Белинского городища (кат. № 52), могильника у села Озерное II (современное Скалистое) (кат. № 53). Почерк многих из них весьма схож. В материалах из раскопок в 1995 году могильника Красная Заря, в склепе № 22 есть амфора типа F, на которой похожим почерком нанесена полная форма данного имени – Βασιλίδου (кат. № 16)²³. Всего на амфорах F и E известны сочетания Βασιλίδου не менее чем с 15 именами. Среди лапидарных надписей Боспора имеется не менее 18 упоминаний имени Βασιλείδης. В Танаисе оно встречается 7 раз [КБН, 1245, 1246, 1248, 1266, 1277, 1278, 1286]. Вероятно, в написании имени на амфорах произошла замена дифтонга ει буквой ι. Согласно замечанию А.И. Доватура, такая замена в написании стала возможна вследствие сближения в произношении ει и ι, которое произошло в I в. до н.э. [Доватур, 1965, с. 803].

VI (№ 54). Танаис. Известно только в качестве первого имени. Из-за краткости в написании имя трудно восстановить. На амфоре F, происходящей из раскопок Белинского городища, имеется достаточно четкая надпись с именем, восстанавливаемым предположительно как Βίος (кат. № 55). Это имя известно среди афинских находок, а также один раз упоминается в лапидарных надписях Боспора [КБН, 36].

ВОРА или **ΒΟΥΑ** (№ 56). Рогожкино. Известно пока только в качестве первого имени. При последнем прочтении можно отыскать имя Βούαος, встречающееся на Крите. В КБН имена с подобным началом отсутствуют.

ГЕ (№ 131). Рогожкино. Известно в качестве второго имени. На амфоре типа F из раскопок могильника Перевальное в 1989 г. имеется надпись Γελα (кат. № 57). В Афинах встречается с таким началом два имени Γέλαρχος и Γελασίνοϛ. Л. Згуста приводит четыре имени с началом Γε-, упоминающиеся в Северном Причерноморье: два имени из Пантикапея неясного происхождения – Γεόκαϛ и Γέρβης [Zgusta, 1955, § 26, 27]; римское имя Γερμανός из Ольвии [Zgusta, 1955, § 793] и ещё одно имя из Ольвии, происходящее от названия этноса – Γετόμουϛοϛ [Zgusta, 1955, § 760]. В Македонии и Фракии известно не менее 27 имен с подомным началом. В КБН отсутствуют.

ГОРГО (№ 58) Рогожкино. Известно в качестве единственного, либо - первого имени. Имена с началом Гор отмечены на двух амфорах типа F3 из собрания Керченского музея (кат. № 59, 60). Среди афинских надписей с подобным началом имеются имена Γόργοινοϛ, Γόργοϛ, Γοργοσθένης. В КБН – Γόργοϛ (1137) и Γοργόσα (1179).

ГРН или **ГРΙ** (№ 61) Рогожкино. Известно в качестве первого имени. На территории островной Греции известны следующие имена: Γρηγόριοϛ Γρίννοϛ, Γρίνωϛ, Γρίφοϛ,. В КБН имен с таким началом пока не отмечено.

²³ Возможность работы с материалом из раскопок могильника Красная Заря-1995 г. предоставлена Ю.П.Зайцевым.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

На Эгейских островах 10 имен имеют подобную основу (Εὐμάθης, Εὐμαχίδας, Εὐμαχος). Возможны другие варианты прочтения. Имя Εὐμαχος известно и на Боспоре [КБН, 84, 1134].

ΕΥΣΕ (№№ 85-88). Танаис. Первое имя. На территории Аттики и островах Эгейского моря известны с таким началом имена Εὐσέβης и Εὐσέβιανος. В КБН имен с подобным началом нет.

ΕΥΣ (№ 90, 145). Танаис, Кобяково городище. Возможно, вариант написания предыдущего имени.

ΕΥΨ (№ 94). Рогожкино. Единственное имя. С таким началом на Эгейских островах имеется женское имя Εὐψυχία и мужское – Εὐψυχος. В каталоге имен Аттики также упоминается одно имя, обнаруженное при раскопках в Афинах - Εὐψυχίου. Интересно, что это имя из Афин находится на горле амфоры типа Е (кат № 92). В КБН такие имена отсутствуют.

ΖΗΝΟ (№ 96). Танаис. Первое имя. Надпись была опубликована Б. Бёттгером и Д.Б. Шеловым (Бёттгер, Шелов, 1998. № 2108) и прочитана как ΖΜΝΟ. Среди списков из Аттики имеется 8 имен с подобным началом. На Эгейских островах – 9 имен (Ζηνόβιος, Ζηνοδότη). В КБН мы находим три имени с такой основой: Ζηνόβιος [КБН, 411, 1153, 1259], Ζηνόδοτος [КБН, 1270], Ζηνόδορος [КБН, 99].

ΗΛΙΟΥ (№ 98). Рогожкино. Полная форма. Единственное имя в надписи. Имя Ἡλῖος известно на Крите, Кипре, Теносе и Родосе. На Боспоре оно упоминается, как минимум, в 14 надписях. В танаисских лапидарных надписях пока не засвидетельствовано.

ΗΡΑ (№ 25). Рогожкино. Второе имя в надписи. В Аттике упоминаются 24 имени с подобным началом (например, Ἡραγόρας). Достаточно распространенное начало и для имен, встреченных на Боспоре – 13 имен. В Танаисе часто упоминается имя Ἡρακλείδης [КБН, 1237, 1243, 1250, 1256, 1259, 1260, 1262, 1263, 1265, 1268, 1277, 1278, 1279, 1280, 1282, 1283, 1285, 1286, 1298].

ΗΣΥΧΙΟΥ (№ 99-101). Рогожкино. Полная форма. Первое имя. Оно пока встречено только среди *dipinti* из Рогожкино. Ἡσύχιος известен в Киренаике. В КБН имеется упоминание имени Ἡσυχος [КБН, 608]. В Танаисе имя пока не фиксировалось.

ΘΕΜΙ (№ 138) Рогожкино. Второе имя в пометке. 15 имен на территории Аттики имеют такую же основу (Θεμίας, Θέμις). На Боспоре известно имя Θεμιστοκλῆς [КБН, 384]. В Танаисе имен с подобным началом пока не отмечалось.

ΘΕΟΔ (№ 105-107, 108, 19) Рогожкино. Первое имя. Достаточно распространенная основа для греческих имен. На островах Эгейского моря встречается не менее 20 имен с таким началом. Из раскопок в Керчи происходит амфора типа F, содержащая на горле сокращение Θεοδω (кат № 103). Надпись Θεοδ известна на амфоре типа F, найденной на поселении Батарейка I (кат № 104), и Θεο –

Глава 3

на том же поселении (кат № 26). На Боспоре известно 6 имен с началом «Θεοδ» [КБН, 447, 36, 45, 1056 и др.].

ΘΕΩΝ (№ 9, 130). Рогожкино, Танаис. Второе имя в надписях. 14 имен на островах Эгейского моря имеют такую же основу (Θέων, Θεωνίς). В КБН отмечено 4 имени: Θεών [КБН, 1287, 1288], Θεώνιχος [КБН, 947, 1137], Θεώνυμος [КБН, 947].

ΙΡΑΔΙ (ΙΒΑΔΙ) (№ 117). Танаис. Второе имя. Восстанавливается предположительно. В случае если допустить то, что сочетание αυ превратилось в α, можно прочесть сокращение как Ἰραύαδης – имя иранского происхождения, засвидетельствованное в одной из лапидарных надписей Танаиса [КБН, 1279; Zgusta, 1955, § 117]. В КБН имеется женское имя Ἰβάδα [КБН, 945] на известняковой стеле (хранится в Керченском музее).

ΙΣΙ (№ 135). Сухо-Чалтырское городище. Второе имя в надписи. В Аттике так начинаются 18 имен (Ἰσίδωρος, Ἰσίας). В КБН отмечено 2 имени: Ἰσιγόνη [КБН, 678] и Ἰσιών [КБН 685].

Κ..ΟΔ.. (№ 161). Танаис. Сохранность данного имени недостаточна для попыток корректного восстановления.

ΛΥΣΙ (№ 80). Рогожкино. Второе имя в надписи. Не менее 45 имен в Аттике и 34 – на островах имеют подобное начало (Λυσίας, Λυσιμαχίς). На Боспоре известно не менее 6 имен: Λυσίας [КБН, 1137], Λυσικράτης [КБН, 36], Λυσίμαχος [КБН, 137] и др. В танаисских списках имена с такой основой отсутствуют.

ΜΑΚΑ, ΜΑΚ (№ 117, 119-128). Танаис, Рогожкино. Первое имя. Похожая надпись на амфоре типа Е происходит из Румынии (кат № 126). Имеется 4 имени с подобным началом из Аттики и 9 – с островов (Μακαρεύς, Μάκαρος). На Боспоре известно 5 имен, начинающихся с сочетания «Μακα». Имя Μακάριος отмечено и в списках Танаиса [КБН, 1262, 1278, 1287, 1288].

ΜΑΚΕ (№ 81, 82). Рогожкино. Второе имя в надписи. В коллекции ГИМа хранится фрагмент горла амфоры типа F2, происходящий из раскопок Фанагории в 1939 г. с надписью Μακεδο (кат 2 № 10). В Аттике известно имя Μακεδόνιος, на островах – Μακεδονικός. В Танаисе и на Боспоре подобные имена пока не отмечались.

ΜΕΛΙΤΤ (№ 143). Танаис. Второе имя в надписи. Сокращение, вероятно, этого же имени имеется на амфоре типа Е из Фанагории (кат № 129). На острове Эвбея известны два имени с таким началом: Μελιττίδης, Μέλιττος. В КБН отмечено одно женское имя – Μελιτινή [КБН, 705]. В Танаисе подобные имена отсутствуют.

ΝΙΚ (№ 130). Танаис. Первое имя в надписи. Основа для 124 имен в Аттике и на островах. На Боспоре засвидетельствовано 19 имен, начинающихся с этого сочетания букв. В Танаисе известны две надписи с упоминанием имени Νικίας [КБН, 1266, 1268].

ΟΛΥΜ (№ 131, 146). Рогожкино. Известно в качестве первого и второго име-

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

ни. Такое же имя имеется на амфоре F-3, происходящей из могильника у села Суворово, в Крыму (кат № 132). На островах Эгейского моря отмечено 18 имен с таким началом, в Аттике – 13 (Ὀλυμπᾶς, Ὀλυμπίς). На Боспоре известны: Ὀλυμπίας [КБН, 959], Ὀλυμπιόδωρος [КБН, 64], Ὀλυμπός [КБН, 64]. В Танаисе подобных имен пока нет.

ΠΑΥΛ (№ 83, 84, 134, 135). Кизитиринское городище, Рогожкино, Сухо-Чалтырское городище. Известно в качестве первого и второго имени. В Аттике и на островах отмечено 9 имен (Παῦλος, Παυλῖνος). В надписях Боспора имеется пока только Παυλεῖνος [КБН, 99]. В Танаисе подобных имен не встречалось.

ΡΙΑ или **ΡΙΑΑ** (№ 123). Рогожкино. Второе имя. Для первого прочтения можно найти упоминающееся в надписях Крита и Фасоса имя Ριανός. На Боспоре подобных имен пока нет.

ΣΙΣΙΝΝ (№ 96, 138). Танаис, Рогожкино. Известно в качестве первого и второго имени. Надпись была опубликована Б.Бёттгером и Д.Б. Шеловым и прочитана как «ММΝΙ» [Бёттгер, Шелов, 1998, № 2108]. Имя Σισίννος известно на Наксосе и Самосе. Среди лапидарных надписей Боспора и Танаиса пока не отмечалось.

ΣΤΟΡΑ (№ 30, 31, 32). Рогожкино. Второе имя в надписи. На Киренаике с таким началом известно имя Στόραξ. В надгробии из Пантикапея 343 или 353 гг. н.э. упоминается женское имя Στοράνη [КБН, 744], имеющее, по мнению Л. Згусты, иранское происхождение. Еще одно родственное этому имя, Στύρανος, встречается в трех надписях II- первой половины III вв. н.э. из Танаиса [КБН, 1262, 1282, 1283; Zgusta, 1955. § 224].

ΣΥΑΓΡΙ (№ 139). Танаис. Известно в качестве единственного или второго имени. Такое же сокращение имеется на амфоре типа E из Фанагории [Зеест, 1961, табл. ХLI, 104a] (кат. № 129). В Аттике найдено 6 вариантов имен, на островах – 8. Среди имен в Македонии известно имя Σύαγρος. В боспорских и танаисских лапидарных надписях такие имена пока отсутствуют.

ΥΓΙ или **ΥΠΡ** (№ 141). Танаис. Первое имя. На Лесбосе, Аморгосе, Наксосе и Фасосе встречается имя Ὑγίνος; На Лесбосе известно имя Ὑγιανός. На Боспоре не менее чем в 8 надписях [КБН, 291, 300, 450, 520, 559, 1023, 1024, 1035] упоминается имя Ὑγιαίνων. В Танаисе имена с подобной основой пока отсутствуют.

ΦΕΔΙΟΥ (№ 143). Полная форма. Танаис. Первое имя. В надписях на Крите, Делосе, Эвбее, Наксосе, Паросе и Родосе имеется имя Φεδίας. На Боспоре и Танаисе – пока не встречалось.

ΦΙΛΟΞΙ (№№ 85-88, 145). Танаис, Кобяково городище. Присутствует в надписях в качестве первого или второго имени. Подобное начало известно у трех имен из Аттики и семи имен на островах (Φιλοξένη, Φιλόξενος, Φιλοξενίδης). В КБН имеется два имени: Φιλοξενείδης [КБН, 1083] и Φιλόξενος [КБН 93, 231, 1185].

ΦΟΙΒ (№ 146-148). Рогожкино. Первое имя. Имеется 8 имен из Аттики и 8

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

Во второй половине II – первой половине III вв. в Танаисе наблюдается резкое возрастание количества иранских имён. «Бросается в глаза, – как пишет Д.Б. Шелов, – что из 130 имен, приведенных в наших списках, только 13 (т.е. 10%) находят себе соответствие в именах жителей других городов». И далее: «... иранские имена, которые появляются в танаисских надписях в конце II или в первой половине III вв. н.э., не повторяются ни в каких других эпиграфических памятниках Причерноморья, принадлежат одной тесной группе, характеризующейся особенной близостью к корням осетинского языка, а именно – его дигорского диалекта» [Шелов, 1974, с. 89]. Археологические и антропологические данные, по мнению исследователя, также достаточно ясно говорят о процессе сарматизации Танаиса во II в. н.э. [Шелов, 1974, с. 92].

Последний период истории Танаиса (IV-V вв. н.э.), связанный с восстановлением города после разрушений в середине III в. н.э. известен хуже всего. Материалы, полученные при изучении поздних слоёв Танаиса, а также соответствующего им некрополя, позволяют утверждать, что проживавшее здесь население сохраняло своеобразную синтетическую культуру, в которой доминировали восточногерманский, аланский и, возможно, восточносарматский этнографические компоненты [Безуглов, 2001, с.149]. Видимо, в Танаисе поздней поры сохранились еще какие-то традиции эллинской культуры не только в материальном быту в виде употребления привозных античных изделий, но и в духовной жизни, в частности, в употреблении греческого языка. Но, как считал Д.Б. Шелов, в общем облике города, а также характере построек, несомненно, отчетливо прослеживается общая варваризация населения [Шелов, 1972, с. 329]. Об этом же говорят и находки погребальных комплексов IV – середины V вв. н.э. [Шелов, 1978, с. 87; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 273-274]. Судя по данным антропологии, в облике мужских черепов времени «позднего Танаиса» еще проявляется сходство с боспорскими сериями, но ближе все-таки сарматские. В женской выборке довольно много монголоидных черепов, которые могли принадлежать населению эпохи гуннского нашествия [Батиева, 2001, с. 227].

Но если судить по пометкам группы «*α/π*» на амфорах из Танаиса и дельты Дона, здесь во второй половине IV в. н.э. резко повысился процент имен, имеющих греческую основу (или, в большинстве своем, аналогичных тем, что имеются в Греции). Значительная часть из них (33,3%) не встречается на Боспоре. Широко распространенные в прежние времена варварские имена по своему количеству уже крайне незначительны. Это должно свидетельствовать о все большей эллинизации местного населения. Но приведенные выше данные археологии не подтверждают подобных изменений. Вряд ли варваризованное население Нижнего Дона и Танаиса использовало в большей части ономастикона имена, обычные для Греции.

Если эти предположения верны, стандартные надписи на узкогорлых светлоглиняных амфорах типов E и F не содержат новые имена танаисских купцов и

Глава 3

жителей города. Они связаны, скорее всего, с первыми этапами торгового процесса – с загрузкой на корабль в месте происхождения содержимого. Поэтому не удивительно, что большей части имен нет не только в Танаисе, но и в списках КБН, касающихся Боспора. Это вполне нормально, ведь владельцы их, вероятнее всего, не были гражданами боспорских городов и жили где-нибудь в районе Гераклеи, местности, в которой, как считается теперь, могли производить подобные амфоры, а также их содержимое. На этот вывод нас наталкивает наблюдение за распространением одинаковых пометок группы «α/π». Находки их известны на территории современной Румынии [Popescu, 1976, № 406; Nicolae, 1995-1996, с. 150, Pl.8, 6], Болгарии [Dyczek, 1999а, р. 6,7], Украины и Крыма [Веймарн, 1963, с. 15-89, рис.15, 16; Магомедов, 1987, с. 80, рис.35.2,7; Гребенников, Гребенников, Магомедов, 1982, рис. 4; Соломоник, 1993, с. 102-116, №№ 10-15; Емец, Чевелев, 1995, №№.9-11; Молев, 2000, с. 85-95], Азиатского Боспора и Нижнего Дона [Гудименко, Ильяшенко, 2000, с. 12-28; Зеест, 1961. табл. XLI, 104а,б; Sazanov, 1997, с. 91, 92, fig. 2,17], отдельные экземпляры имеются даже на горлах амфор E среди материалов Афинской агоры (одно из них опубликовано [Lang, 1976, F 297], второе приведено на рис. 37²⁵) и в слое V в. н.э. в Коринфе²⁶, на территории театра.

К сожалению, пока нет достаточной информации для того, чтобы сделать более конкретные выводы о принадлежности имен в надписях рассматриваемой группы. Исходя из того, что имена относились к разным людям и стояли в родительном падеже, можно предполагать несколько вариантов трактовки:

1. Одно имя могло принадлежать торговцу (ἔμπορος, πραγματευτής), владельцу товара, а второе – собственнику судна (ναύκληρος), доставлявшего товар до пунктов назначения. На корабле одновременно могли быть товары, принадлежавшие навклеру и другим купцам. Басилид (если он был владелец корабля), например, помимо своих собственных товаров, мог перевозить грузы, принадлежавшие еще 15 другим купцам. Кроме того, он мог отправлять свои товары с чужими кораблями в Херсонес и Пантикапей, на Ильичевку и в Танаис. При этом купцу не обязательно было двигаться в какую-то одну точку – он мог оставлять часть груза по пути следования корабля в крупных портах или пользоваться для доставки услугами своих агентов (πιστικός). Однако в морской торговле достаточно часто роли владельца судна, капитана, собственника товаров и агента-продавца совмещал один человек [Jones, 1973, р. 866-867]. С этих позиций достаточно легко объяснить случаи, когда на амфоре присутствует всего одно имя (в родительном падеже) - владелец товара и навклер был одним и тем же человеком. Добавочные маркировки, которые

²⁵ Шифр находки: section I # 1462, disturbed fill, 1933, P 21216

²⁶ Горло амфоры типа E с надписью группы «α/π» хранится в собрании Коринфского археологического музея под инвентарным номером С-82-34. Выражаю искреннюю признательность доктору К. Кёллеру и доктору К. Слэйну за возможность ознакомиться с материалом.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

имеются на части амфор, вероятно, принадлежали чиновнику, производящему регистрацию оплаты пошлины.

2. Одно имя принадлежало арендатору земельного участка, на котором выращен виноград и изготовлено вино, а второе - владельцу всего поместья. Это, условно, может быть сравнимо с добавочным клеймлением амфор в некоторых производственных центрах периода эллинизма (сделал мастер А в мастерской, принадлежавшей В, при магистрате С).

3. Возможно и то, что одно из имен принадлежало оптовому покупателю, а второе – производителю вина, амфоры которого вошли в состав партии товаров. В эти партии могли входить такие же амфоры многих производителей. Как известно, *πολύ-κίτελοι* стремились оптом приобрести товары [Кадеев, Сорочан, 1989, с. 96]. Но, как и в случае с надписями группы «*γεωματηρία*», маркировка, указывающая на такую закупку, должна была быть произведена еще до момента выхода товара из порта. Этим можно объяснить отсутствие в надписях имен, характерных для Боспора.

4. Товар мог принадлежать компаньонам. В «Дигестах» Юстиниана имеется указание на такую возможность: «Если несколько лиц являются хозяевами корабля, то к любому из них может быть предъявлен иск в полном объеме... и не имеет значения, какую часть каждый (из хозяев) имеет на корабле...» [«Дигесты» Юстиниана, кн. XIV, титул I, § 25]. С этой точки зрения легче объяснить три имени, изредка встречающихся в пометках.

Одно поместье, благодаря разным навклерам, могло снабжать своей продукцией многие области Северного Причерноморья. Так же точно и один навклер мог доставлять товар от разных поставщиков в достаточно удаленные друг от друга порты, в зависимости от конъюнктуры рынка. Ведь известно, что участники торговой деятельности строили свою стратегию, исходя из знаний законов рыночной экономики. Демосфен в своей речи против Дионисодора [Демосфен, LVI, 8] говорит о достаточно эффективно действовавшей системе оповещения о рыночных ценах и маневрирования товарами (хлебом) для продажи их именно там, где цены на них были выше. «Одни из них посылали товары из Египта, другие везли их в морские порты, третьи, проживая здесь, сбывали доставленное, затем пребывающие туда слали письма ведущим дела за границей, сообщая об установившихся ценах на хлеб, с тем, чтобы они, если у вас был хлеб в цене, везли его сюда, а если цены падали, то в какой-нибудь другой торговый порт» [Демосфен, LVI, 8; Маринович, 1998, с. 21].

К крупным поставщикам, имена которых фиксируются в достаточно удаленных друг от друга местах, можно причислить пока: ΑΛΕΞ, ΑΦΡ, ΒΑΣΙΛΙΔΟΥ, ΕΥΛΟΓΙΟΥ, ΦΩΚΑ. Возможно, как уже отмечалось, переход имен из первой линии во вторую или появления этих же имен в единственном числе были связаны с изменением имущественного статуса его владельца – он мог разориться и попасть в разряд только производителей или судовладельцев,

Глава 3

а мог становиться и судовладельцем, и производителем вина одновременно. Однако для таких наблюдений нужно иметь более точную датировку для каждой из пометок. Но очевидно, что в порты Северного Причерноморья, в том числе и в область Нижнего Дона, амфоры типа F и E приходили уже с нанесенными на них именами.

Таким образом, во второй половине IV в. н.э. на узкогорлых светлоглиняных амфорах вновь появляются стандартные *dipinti*. Характерным признаком этой группы надписей является одинаковое для всех пометок расположение информации. Скорее всего, наносились они, как и надписи группы «*γευματρη*», в области Гераклеи Понтийской²⁷.

Известно, что, несмотря на тяжелые времена, которые пережила во второй половине III в. н.э. провинция Вифиния–Понт, она сохранила свои богатые естественные ресурсы. В период разрухи, наступившей к концу Империи, это дало ей некоторые преимущества перед бедными областями [Ранович, 1949, с. 84]. Существование стандартных *dipinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Гераклеи второй половины IV в. н. э. свидетельствует о сохранении масштабыности в торговле. Пометки несколько видоизменяются, что могло быть отражением перемен в таможенном законодательстве. Исчезают многочисленные цифровые *dipinti*. Указание на качество и происхождение сохраняется в именных маркировках. Но в них вместо одного имени часто появляются два и более. Имена принадлежали лицам, связанным с производством или транспортировкой содержимого сосудов. К увеличению числа имен людей, вовлеченных в торговлю одной партии товара, могли привести следующие факторы: усиление контроля над торговлей, удорожание торговых операций или производства товара, появление арендных отношений в землепользовании.

Благодаря своей стандартности надписи группы «*a/π*» могут, даже в случае обнаружения их на фрагментах амфор, лишенных профильных частей, указывать на тип сосуда (амфоры типа F-3 и E) и его приблизительную дату (вторая половина IV в. н.э.). Это может быть важным в тех случаях, когда в комплексах отсутствуют другие датирующие материалы.

²⁷ Примечательно то, что на одной из «Carrot» амфор, предположительно, гераклеийского производства (по А. Опаиту), найденной в Топрайчиой (Румыния) имеется *dipinto*, очень похожее на те, о которых идет речь в данной главе. В этой надписи верхнюю позицию составляет лигатура, в которой можно распознать сочетание «*a/π*», а нижнюю (на плечиках) – имя, вероятно, ΦΩΚΑΙΟΥ (рис. 51) [Oraïț, 2010, p. 391, fig. 8.2]. Возможно, данная находка свидетельствует о том, что традиция подобной маркировки была общепринята в области Гераклеи. Тем более, что время бытования амфор этого типа связывают с последней четвертью IV – первой половиной V вв. н.э. [Oraïț, 2010, p. 391].